

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1939 · Ленинград

Л. И. ДУМАН

**Биянху — вождь дунганского восстания
1862—1877 гг.**(ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПО КИТАЙСКИМ И СОВЕТСКИМ
АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Дунганское восстание, вспыхнувшее в северо-западных провинциях внутреннего Китая в 1862 г. и распространившееся впоследствии на всю территорию Западного Китая или Восточного Туркестана (Синьцзяна), ждет еще своего исследователя. Ни в русской, ни в западноевропейской, а также и в китайской литературе до сих пор не появлялось серьезного исследования восстания.

Многочисленные статьи на различных языках, посвященные восстанию, не являются научно-исследовательскими работами, — в лучшем случае это более или менее полное освещение военных действий между повстанцами и китайско-манчжурскими войсками. В этих статьях не находит себе места объяснение причин восстания, движущих сил его, нет характеристики классовых противоречий, вызвавших восстание, и т. д. В них не находим мы также и освещения роли царского правительства в подавлении восстания, взаимоотношений между русским самодержавием, китайским правительством и дунганскими повстанцами.¹

В данной статье мы не берем на себя задачу осветить все эти затронутые вопросы, — они ждут специального большого исследования, нам желательно лишь оттенить роль одного из наиболее стойких и последовательных руководителей повстанцев — Биянху; попутно мы покажем, какой сложный клубок противоречий сплетался вокруг восстания и в какой связи с Биянху

¹ Подробный разбор литературы о дунганском восстании дан в моей статье «Русская и иностранная литература о дунганском восстании в Китае». Библиография Востока, вып. 7 (1934), стр. 55—78.

находились эти противоречия. Этим самым мы дадим частичный ответ на вопрос о роли царской России в дунганском восстании.

В наших республиках — Киргизии, Казахстане, где обитают дунганы, имя Биянху пользуется широкой известностью. Биянху в глазах дунганских масс народный герой, воспеваемый в народных сказаниях, окруженный легендарной славой. Популярность Биянху велика. Такая широкая известность Биянху стала возможной благодаря существовавшей устной сказительной традиции, устной литературе. Наряду с этим, в литературе о дунганах мы находим очень немного о Биянху, а еще меньше правдоподобного.

Вот краткие данные о нем.

В первые 6—7 лет после возникновения восстания Биянху не являлся центральной фигурой движения, во главе которого стояли представители верхушечных феодальных слоев дунганского населения — помещики, кушцы и духовенство.

Лишь в 1868—1870 гг., когда пров. Шеньси, первая поднявшая знамя восстания, была разгромлена и когда соединенный отряд правительственных войск, состоявший из четырех больших армий Лю Суншаня, 劉松山, Вей Гуаншоу, 魏光壽, Чжан Яо и Цзо Цзунтана 左宗堂, охватывал кольцом другую пылавшую в огне восстания пров. Ганьсу, в момент ожесточенных боев, в момент поражения повстанцев в ряде районов, в период измен в лагере дунган — на арену классовой борьбы выступает Биянху, к этому времени возглавлявший большой отряд дунганских партизан. Тогда же в дунганском восстании вполне определились два течения:

1. Течение революционное, крестьянское, во главе с отдельными начальниками отрядов — выходцами из крестьян и отчасти мелкопоместного чиновничества. Это течение делало ставку на решительную и беспощадную борьбу с феодалами-помещиками, феодальной Цинской монархией и ее представителями на местах, крупными чиновниками. Равным образом эта группировка повстанцев не прочь была свести старые счеты и с дунганской феодальной верхушкой.

2. Течение реакционное — представлявшее интересы крупных дунганских феодалов, правителей уездов, областей, духовенства и купечества.

Представители этого течения, не желая отказываться от права присваивать прибавочный продукт, доставляемый дунганским крестьянством, шли на соглашение с китайско-манчжурскими феодалами.

В конце концов все эти Ма Хуалуны,¹ Ма Чжаньбао,² Ма Досани,³ Ма Гуйюани⁴ и др. вовсе не боролись за освобождение дунганского крестьянства от феодальной эксплуатации, а лишь стремились к монопольному господству, к монопольной эксплуатации непосредственного производителя, стараясь избавиться от необходимости делить прибавочный продукт с манчжуро-китайскими феодалами.

Естественно, что при первых серьезных поражениях повстанцев все нерешительное, половинчатое отходило от движения, предавало его, вступая в соглашение с китайско-манчжурскими властями.

В этих условиях и выдвигается Биянху,⁵ примыкавший к первому, революционному, течению.

По происхождению Биянху — сын городского старосты,⁶ родом из Сианьфу в пров. Шеньси или из Пекина.⁷ В ранней молодости, 19 лет, Биянху был якобы избран на должность управителя одного довольно большого и видного участка в Пекине.⁸

¹ Ма Хуалун, 馬化澂, глава ганьсуйских дунган, вернее дунган одного из районов пров. Ганьсу — Цзиньцзиу. Крупный помещик и скототорговец. Усмиритель восстания Цзо Цзунтан характеризует Ма Хуалуну как первого богача в округе, «добившегося богатства торговлей и владевшего лучшими землями в Цзиньцзиу» (см. Доклады Цзо Цзунтана, «Цзо Вэнь-сянгуи цзоушю сюйбянь», 1890, гл. 34, стр. 5). Сосновский — начальник русской экспедиции 1874—1875 г. в Западный Китай, сообщает, что Ма Хуалун имел «до 8 000 000 руб. (?) капитала, громадные табуны и другие богатства и фактически был повелителем всей местности в окрестностях Цзиньцзиу». Военный сборник, № 10, 1878, стр. 438. Ма Хуалун являлся также ахуном, главой «неомагометанской школы», синьцзяо, возглавлявшей восстание.

² Ма Чжаньбао, 馬占敖, глава хэчжоуских дунган, в пров. Ганьсу. Сдался китайцам.

³ 馬朶三, Ма Досань, глава сининских дунган в пров. Ганьсу. Сдался китайцам; несмотря на это, он был казнен. Его сместил Маюнфу.

⁴ Ма Гуйюань, 馬桂源, житель Сининфу (округ) в пров. Ганьсу. Сначала был начальником уезда (гунчжи); купив эту должность, впоследствии — начальником Сининского округа (чжифу) в 1869—1870 гг. Как представитель феодальной бюрократии, Ма Гуйюань ближе стоял к цинскому правительству, чем к дунганским повстанцам, но это не мешало ему заигрывать с последними и интриговать против правительства, когда это было выгодно. См. доклады Цзо Цзунтана, гл. (цзюань) 46, стр. 7.

⁵ 白彥虎 — по пекинскому произношению Байяньху. Дунгане произносят его имя Биянху. Его мусульманское имя Мухамед-Аюб.

⁶ Ф. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания. Об этом же свидетельствуют и сыновья Биянху, проживающие в Киргизии и Казахстане.

⁷ Там же, стр. 11. По полученным мною в 1931 г. сведениям от сына Биянху, проживавшего в г. Фрунзе, Биянху происходил из Сианьфу, столицы пров. Шеньси.

⁸ Там же, стр. 12. Сообщаемые Поярковым сведения весьма противоречивы и мало правдоподобны.

По словам сына, Биянху в 14—15-летнем возрасте имел свой отряд и участвовал в столкновениях с китайцами еще задолго до восстания 1862 г.

По китайским данным, его активная борьба с правительством относится к середине 1869 г.,¹ после отступления из Шеньси вместе с другими начальниками отрядов, наиболее стойкими, Юй Дзянем, Цуй Санем и др. До этого времени имя Биянху почти не встречается в китайских источниках.

После бегства из Шеньси в пров. Ганьсу Биянху оперирует со своим отрядом в пограничных районах и доставляет немало хлопот китайским войскам.

В 1869 г. совместно с Ма Чжэнхэ и другими отрядными начальниками Биянху охватывает своими операциями значительный район: Дунчжюань (пров. Ганьсу) — Нинчжоу (округ в восточной части пров. Ганьсу, на границе пров. Шеньси) — Цин-ян (к северу от Дунчжюань); на юге пограничные округа Бинь и Фын (в пров. Шеньси); на северо-востоке до Фучжоу и Яньчжоу (округа в Шеньси).²

Теснимый численно превосходящими его цинскими войсками, Биянху с боем отходит в глубь пров. Ганьсу.

Однако его отступление сопровождается упорным сопротивлением, часто переходящим в контрнаступление, которое приводило к поражению правительственных войск. Так было в 1868, 1869, 1870 гг. и в первой половине 1871 г., когда Биянху прибыл на помощь хэчжоуским дунганам, возглавлявшимся Ма Чжаньао. В этом районе дунгане под предводительством Биянху основательно потрепали цинские войска. Из Хэчжоу Биянху со своим отрядом направился в Синин.

Несмотря на отдельные успехи повстанцев, приводившие к разгрому карательных войск, движение восставших крестьян пров. Ганьсу шло на убыль. Раздробленность повстанческих сил, отсутствие единого руководства, партизанская борьба при отсутствии регулярной армии, действующей по определенному стратегическому плану; переходы отдельных руководителей на сторону правительства дезорганизовывали ряды дунганских повстанцев.

¹ По данным Цинчао цюаньши, 清朝全史, Всеобщая история Цинской династии, т. 2, ч. 3, гл. 75, стр. 68.

² Чжунго лидай цзянь 'юй чжаньчжэн-хэту, 中國歷代疆域戰爭合圖, «Китайский исторический атлас военных действий (войн) на границах», табл. 41.

До отступления в Синифу¹ Биянху участвовал в защите Цзиньцзипу² — важной в стратегическом отношении крепости, цитадели Ма Хуалуна и значительных дунганских сил. Героическая защита не могла спасти крепость от падения. Против Цзиньцзипу были брошены лучшие правительственные войска. Кроме армий Лю Цзиньтана, Вэй Гуаншоу, здесь оперировали войска Хуан Дина,³ Лэй Чжэнгуаня,⁴ Цзинь Юньчана,⁵ Сюй Вэньсю⁶ и др. С другой стороны, и дунгане сосредоточили здесь значительные силы; кроме отрядов Ма Хуалуна, сюда прибыли повстанцы из Хэжжоу, Синина и остатки шеньсийских отрядов Биянху, Юй Дэяня, Цуй Саяя, Ма Уцзюэра, Чэнь Ши и др. С захватом Цзиньцзипу манчжурское правительство добилось бы: 1) разгрома Ма Хуалуна и, следовательно, «неомагометанской школы» Синьцзяо, вдохновлявшей повстанцев на борьбу (надо сказать, что восстание внешне проходило под лозунгом борьбы «За Ислам против неверных»); 2) разгрома Биянху, причинившего немало хлопот китайским генералам.

Цзиньцзипу после долгой осады был взят в значительной мере потому, что осажденные оказались без продовольствия. Захваченные во время вылазки дунгане сообщали, что положение осажденных тяжелое. Жители и дунганские войска голодают, только у Ма Хуалуна и его родственников имеется хлеб. Шеньсийские боевики партизаны и другие повстанцы, защищающие крепость, получали ежедневно по 1 гину (цзиню) продуктов,⁷ но вскоре и эта норма была сведена на-нет. Дунгане питались травами, кореньями и шкурами падшего скота. Голод доводил их до людоедства.⁸ При таком положении начались измены, переходы на сторону правительственных войск. Так, ряд руководителей повстанцев: Чэнь Линь (陳林), Янь Син (閻興), Юй Чжаолин (于兆林), Ма Чжэньцзян (馬振江), Цзинь Минтан (金明堂), Ма Хуафын (馬化鳳), Хэй Цинцюань (黑清全) и др. слались, уведя с собой в декабре 1870 г. часть мирных жителей, всего около 8000 человек, включая стариков и женщин.⁹

¹ 西甯府, округ в провинции Ганьсу.

² 金積堡, Цзиньцзибао или Цзиньцзипу — уездный город в пров. Ганьсу, округе Ниянся.

³ 黃鼎

⁴ 雷正綰

⁵ 金運昌

⁶ 徐文秀

⁷ 1 гин, китайский фунт, равен, примерно, 600 грамм.

⁸ Доклады Цзо Цзунтана, гл. (цзюань) 37, стр. 4.

⁹ Доклады Цзо Цзунтана, гл. 34, стр. 3.

Правительственные войска разрешили одну из поставленных задач: Ма Хуалун сдался, вслед за этим область Нинся была усмирена. Это было в начале 1871 г. После падения Цзиньцзипу мы узнаем из доклада усмирителя восстания, что готовилось новое предательство в Хэчжоу, со стороны Ма Чжаньао. Таким образом выясняется, что дунганские вожди — представители феодальной верхушки — значительно раньше поражения повстанческих отрядов готовили удар в спину повстанцев. И это было в момент разгрома цинских войск в Хэчжоу при участии Биянху. Ма Чжаньао перешел на сторону правительства в феврале 1872 г., примерно в это же время заигрывал с властями и Ма Досань, а за год до этого, именно в феврале 1871 г., Цзо Цзунтан писал на имя императора: «... что касается хэчжоуского главаря бандитов (??), Ма Чжаньао, — то он давно имел намерение покориться. Сининский главарь Ма Досань после того, как он, оказав помощь Цзиньцзи (Цзиньцзипу), потерпел поражение и узнал силу наших войск, лишен возможности творить беспорядки. С ними (Ма Чжаньао и Ма Досанем) некуда торопиться...».¹

Несмотря на измены и поражения, Биянху был тверд до конца, нанося внезапные удары правительственным войскам.

В 1871 г. Биянху оперирует в Хэчжоу, а затем в Сининском округе. К этому времени появляются слухи, что Биянху, Юй Дэянь и др. готовы сдаться на милость победителей. Данные, которыми я располагаю, позволяют утверждать, что этот слух не имел никакого основания и явился либо провокацией, исходившей со стороны отдельных изменивших руководителей восстания с целью дезорганизации повстанцев, либо военной хитростью Биянху и др., известным стратегическим маневром с целью отвести удар от сининских и хэчжоуских дунган. С другой стороны, эта утка могла быть пущена самим Цзо Цзунтаном для успокоения имперского правительства. Во всяком случае по этому поводу Цзо Цзунтаном было послано донесение на имя императора от 7 декабря 1871 г.,² из которого мы узнаем также, что Биянху и другие обосновались в Сининском округе: «... После того как было улажено с переселением в Цзиньцзи, Танпине,³ Хуапинчуане,⁴ стали очевидными авторитет и доверие (к армии. — Л. Д.)».

¹ Доклады Цзо Цзунтана, гл. 34, стр. 57.

² 10-й год правления императора Тунчжи, 10-я луна, 26-й день.

³ 盪平 Танпин.

⁴ 化平川.

Из доклада Цзиминдао¹ Фын Банбина (馮邦楨), ведающего делами по умиротворению в Хуапинчуане, который одновременно прислал в лагерь и реестр всех жителей Хуапинчуана, видно: что смирившиеся мусульмане Ян Синчунь, Чэнь Линь и др.,² в количестве 20 с лишним человек, сообщают о том, что «шеньсийские дунгане, скрывшиеся в Синине — Цуй Сань, Юй Дзянь, Биянху, Ма Уцзюэр,³ Чжоу Баохэ,⁴ Ма Шэн'янь,⁵ Фын Цзюньгуй,⁶ Ха Ляньцзинь⁷ и др. — несколько десятков человек — прислали письмо, в котором выражают желание покориться и просят о помиловании».

«Прочитав это донесение, полагаю, что их желание покориться — искреннее, так как в сообщении [Ян Синчуня и др.] говорится, что «в случае неискренности [шеньсийцев — Биянху и др.] — те, кто уже покорился, сами уничтожат их [Биянху и др.]». Оказывается, Цуй, Юй и др. мятежники ныне захватили Дасяонаньчуань,⁸ отделенный от хэчжоуских разбойничьих [?] логовищ всего лишь одной рекой.

Я [Цзо Цзунтан] приказал Фын Банбину довести до сведения Ян Синчуня, Чэнь Линя и др., чтобы они секретно сообщили Цуй'ю [Цуй Саню], Юю [Юй Дзяню] и др. о необходимости доставить сначала свои семьи в Ланьчжоу,⁹ а с другой стороны, чтобы Цуй и др. приняли меры к прекращению пути отступления хэчжоуским бандитам [?], — тогда только приму просьбу о смирении [покорности]. Если же они [желающие покориться] смогут сами [непосредственно] разгромить хэчжоуское логовище, — в таком случае не только будут помилованы, но удостоятся даже награды...»¹⁰

Сообщаемые в цитированном донесении Цзо Цзунтана слухи относительно Биянху оказались фальсифицированными. Спустя восемь месяцев после этого доклада Биянху и др. попрежнему оперировали в Сининском округе, укрепившись в районе Дасяо-наньчуань и нанося удары «доблест-

¹ 記名道

² О них см. выше.

³ 馬五九兒

⁴ 鄒保和

⁵ 馬生彥

⁶ 馮君葵,

⁷ 合連金

⁸ Местность в Сининском округе.

⁹ Главный город пров. Ганьсу.

¹⁰ Доклады Цзо Цзунтана, гл. (цзюань) 40, стр. 10^в.

ным» генералам Цинской монархии. Об этом мы узнаем из уст того же Цзо, который в новом секретном донесении императору от 20 октября 1872 г.¹ сообщает следующее:

«...Сининские коренные дунгане (мусульмане) медлят с разоружением, мотивируя это тем, что „Шеньсийцы — Бьянху, Юй Дзянь, Цуй Сань и др. — захватили Дасяонаньчуань, грабят [?] кругом и что необходимо временно оставить им [местным дунганам] оружие для ограждения [их] от неприятностей. К тому же просили выгнать шеньсийских дунган, чтобы успокоить границы Хуана“.² Я, Цзо Цзунтан, конечно, не мог узнать их помыслы, так как в то время планы их еще не были раскрыты. Если же необдуманно поддержать их [просьбу], то они безусловно обвинили бы правительственные войска в том, что последние возбуждают население, притесняя его, и толкают на возмущение. Я приказал тиду³ Хэ Цзолиню [何作霖] взять 8 батальонов пехотных и кавалерийских войск и отправляться сначала в Няньбо, объявив для всеобщего сведения, что войска направляются усмирять шеньсийских дунган. Затем приказал Лю Цзиньтану взять 10 батальонов [юн] смешанных частей и следовать за Хэ Цзолинем».

Лю Цзиньтан, достигнув Няньбо, выпустил обращение, в котором пояснял, что: «правительственные войска направляются для усмирения Дасяонаньчуань и что местным дунганам, проживающим на пути прохождения войск, нечего бояться».

Но лишь только Лю Цзиньтан прибыл в Дасякоу и стал сооружать укрепления, как местные дунгане соединились с шеньсийцами и стали оказывать сопротивление.

На основании донесений шпионов (предателей дунганского восстания Янь Синчуня и др.) видно, что Ма Гуйюань⁴ 12 сентября 1872 г. (10-й день, 8-я луна, 11-й год правления императора Тунчжи) тайно принимал в собственном доме, в Дунгуане⁵ Бьянху, Юй Дзяня, Цуй Саня и др., обсудив совместно с ними вопрос о сопротивлении правительственным войскам; с другой стороны, [Ма Гуйюань] перебросил местных дунган на помощь мятежникам [шеньсийцам]».⁶

¹ 11-й год правления императора Тунчжи, 9-я луна, 19-й день.

² Хуанчжун, 滄皇中, древнее название Сининфу.

³ Тиду, 提督

⁴ Ма Гуйюань — дунганин, был начальником округа Сининфу.

⁵ 東關, Дунгуань, в Сининском округе (Сининфу).

⁶ Доклады Цзо Цзунтана, гл. 46, стр. 77v.

Из этого донесения Цзо Цзунтана можно заключить, что Бяньху и др. оказывали помощь сининским дунганам и не думали сдаваться. Отсюда же видно, что осенью 1872 г. правительственные войска еще не подавили восстания в Синифу.

О стойкости Бяньху, его преданности восставшим мусульманским крестьянам свидетельствует, правда, очень скупо, даже официальная китайская литература.

Так, во «Всеобщей истории Цинской династии» говорится, что осенью 1872 г. после разгрома в Синифу и Датуне многие дунганские лидеры перешли на сторону правительственных войск и лишь Бяньху с остатками своего отряда держался, отступив из Юн'аня¹ в Сучжоу.² Затем после измены Масы³ Бяньху, возглавляя отряд, примерно, в 7000 человек, отступил в Синьцзян.⁴ По пути в Синьцзян, в области Сучжоу, Бяньху неоднократно приходилось отражать нападения правительственных войск; здесь Бяньху оказал помощь осажденным в г. Сучжоу, выручив половину из них.⁵ В Хами Бяньху разбил восьмитысячный отряд местных войск.⁶

В дальнейшем Бяньху со своим отрядом обосновался в Урумчи,⁷ где прожил до возобновления правительственными войсками военных операций, примерно около трех лет. В мае—июне 1876 г. Бяньху находился еще здесь.⁸

В течение трех лет (1872—1875) Цинское правительство не принимало никаких мер против восставшего Синьцзяна, предоставив местным манчжуро-китайским войскам расправляться с повстанцами. Объяснение этого факта можно видеть в том, что в это время правительство было озабочено приведением в «порядок» внутренних провинций, в частности Шеньси и Ганьсу, без чего оно не могло направить войска в Синьцзян, имея в тылу

¹ 永安

² 肅州 — крайняя западная область в пров. Ганьсу, отделена от Синьцзяна заставой Цзяюй и областью Аньси (Аньсичжоу).

³ 馬四, Ма IV, он назывался еще Ма Вэньлу, 馬文祿.

⁴ Цинчао цюаньши, ч. 3, гл. 75, стр. 70.

⁵ Поярков. Последний эпизод дунганского восстания, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Этот город также назывался Хунмяоцзы (紅廟子), «Красный Храм» — по храму, выстроенному на Красной горе за городскими воротами. Колонны этого храма выкрашены красной краской.

⁸ Цинчао цюаньши, ч. 3, гл. 76, стр. 76.

Поярков сообщает, на основании рассказов дунган, что в Урумчи Бяньху вместе с отступившими с ним дунганам прожил три года, занимаясь хлебопашеством и торговлей. Поярков, там же, стр. 35.

этих войск грозную силу в лице повстанцев дунган внутренних провинций. И только после кровавого разгрома и почти поголовного истребления мусульманского населения подгнившая феодальная монархия Цинов двинула войска против восставшей своей колонии — Синьцзяна. В апреле 1876 г., через три-четыре месяца после восшествия на престол нового императора Гуаньской'я, Цзо Цзунтан был назначен особым комиссаром по усмирению Синьцзяна, а его помощником утверждён Цзинь Шунь.¹

180 батальонов (юн) было брошено против повстанцев, 9 000 000 лан серебра затрачивалось ежегодно на снабжение карательной экспедиции.²

В июне 1875 г. Цзинь Шунь достиг Гучэна, где остановился в ожидании других. Только в марте 1876 г. Цзо Цзунтан отправился из Ланьчжоу, послав предусмотрительно впереди себя Лю Цзиньтана. К июню 1876 г. Лю достиг Баркуля и овладел Гучэном. Соединившись с армией Цзинь Шуна, войска Лю медленно продвигались вперед, встречая на пути сопротивление. К этому времени Бяньху со своим отрядом присоединился к Якуб-беку, создавшему крупное мусульманское государство в Синьцзяне и разгромившему дунганское султанство в Урумчийском округе (в 1871—1872 г.).

По существу, ещё задолго до возобновления военных действий со стороны правительственных войск, дунганские повстанцы в Синьцзяне потерпели поражение с другой стороны. Господству самостоятельного дунганского государства Лотайхана в восточной части Синьцзяна (Урумчийский округ и прилегающие к нему районы) и существованию дунганско-уйгурского государства Рашэдина (Кашгария) был положен конец ходжей Бузрукханом и его полководцем Якуб-беком, впоследствии провозгласившим себя правителем Восточного Туркестана. В 1868 г. вся Кашгария была объединена Якуб-беком, а в 1872 г. после двух походов уничтожено, как было сказано выше, Урумчийское дунганское султанство, существовавшее с 1864 г. Однако после уничтожения дунганского султанства в Урумчийском округе сохранилась известная самостоятельность дунганских городских самоуправлений, редко нарушаемая Якуб-беком.

В дальнейшем установилась даже известная связь между Якуб-беком и дунганцами, в особенности в момент угрозы нападения со стороны китайско-манчжурских войск.

Так, китайский автор сообщает, что Бяньху получил приказание от Якуб-бека защищать Хунмяоцзы (Урумчи), а затем Якуб-бек послал под-

¹ 金川順 — Цзинь Шунь, урумчийский тиду.

² Цянчао цюаньши, ч. 3, гл. 76, стр. 76.

крепления, которые, однако, остановились, примерно, в 200 ли¹ от Урумчи, не смея продвинуться дальше, в связи с наступлением китайских войск и с захватом последними в августе 1876 г. городов Гучэна, Урумчи, Чанцзи и Хутуби.²

Следует заметить, что, хотя Якуб-бек рассматривал дунган как своих вассалов, собирая с них зякет,³ и посылал войска на защиту их городов от китайских войск, при всяком удобном случае он (Якуб-бек) старался представить их в невыгодном свете перед лицом общественного мнения, в частности перед русскими властями. Так, в письме военному губернатору Семиреченской области генералу Колпаковскому от 27 ноября 1876 г. Якуб-бек следующим образом характеризует дунган, отмечая свою борьбу с ними: «Народ дунганский имеет дурную и низкую привычку, которая состоит в том, что они грабят китайцев и жителей других народностей, например: они прибыли в мое владение, убили много людей и ограбили их имущество. Я со своими войсками, преследуя этих изменников до самого Урумчи и Турфана, войною подчинил их своей власти, но так как они одной с нами веры, то я владения их отдал им самим, дабы они управлялись сами по своим порядкам и правилам. За их ненависть и поступки бог прислал к ним китайцев, и они наказаны за свои поступки. Впредь до моего приезда китайцы взяли их и все места, подчиняющиеся Урумчи, покорили себе».⁴

Как видим из этого письма, о прочном союзе между дунганами и новым феодальным самодержавным государством Якуб-бека не могло быть речи. И если нам известны факты совместной борьбы дунган, в частности Бияху, с войсками Якуб-бека против манчжурских правительственных войск, то объяснение этому я вижу в желании той и другой стороны отразить наступление общего врага, пощады от которого ни дунгане, ни Якуб-бек не могли ожидать.

С падением Урумчи, Манаса и других городов Бияху отступил в Токсунь, где были сосредоточены значительные силы Якуб-бека.

¹ Ли = 1/2 версты.

² Цинчао пуаньши, ч. 3, гл. 76, стр. 76.

³ В архиве б. Семиреченского областного правления, в журнале политических сведений от 15 октября 1876 г., находим следующее о зависимости дунган от Якуб-бека: «Зависимость дунган от кашгарского бодаулета выражается, по словам Абдуллы (кашгарца, служившего в войсках Якуб-бека. — Л. Д.), в платеже правителю Джитышара (т. е. Якуб-беку. — Л. Д.) зякета. Зякет этот посылают они в казну ежемесячно с донесениями о положении дел в крае, прибавляя к сумме зякета по 4—5 ямб в подарок». Центральный архив Казахской ССР, г. Алмата. Фонд Семиреченского областного Правления. Канцелярия военного губернатора Семиреченской области по кульджинским делам, ф. № 21, д. № 284, о пограничных слухах и составлении журналов политических и военных событий, л. 219 (2).

⁴ Архив, там же, ф. № 21, д. № 284, л. 287.

Попутно надо отметить, что в осажденных городах Восточного Туркестана дунгане оказывали решительное сопротивление манчжурским войскам и сдавались в исключительных случаях под давлением голода. Так, например, было в Манасе, где осажденные дунгане терпели острую нужду в хлебе и других съестных припасах,¹ и, несмотря на это, они держались в течение двух лет.

Даже при этих условиях сопротивление дунган было бы продолжено, если бы не обещание китайских военачальников амнистировать жителей в случае добровольной сдачи города. Это обещание, как и следовало ожидать от убийц революционного крестьянства, не было выполнено. Из 2000 дунган 1500 человек было зверски убито.²

Дальнейшие события развивались быстрее, принося успех за успехом цинским войскам.

Осенью 1877 г. окончательно решилась участь Якуб-бека и кое-где державшихся дунганских повстанцев. Еще до этого, в феврале, правительственные войска под руководством Сюй Чжаньмао и Сунь Цзиньмао напали на Турфан, заставив Биянху отступить. После смерти Якуб-бека Биянху — по приказанию Бек-кулы-бека, сына кашгарского правителя, — защищал г. Курлю.

7 октября 1877 г. правительственные войска захватили Карашар, 9 октября 1877 г. — г. Курлю. Биянху в это время находился в Бугюре (Карашарский округ). Лю Цзиньтан, преследуя Биянху, достиг Куча (19 октября 1877 г.), 21 октября правительственные войска заняли Байчэн, 24 октября — Аксу, 26 октября — Уш.

¹ Архив, там же, д. № 284, л. 115, сведения за июль 1876 г.; л. 273.

² В связи с этой жестокой расправой с мирным населением последовал протест туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, указывавшего, что после двухлетней безуспешной осады г. Манаса китайский генерал Цзинь предложил жителям добровольно сдаться, обещая за это полную амнистию всему дунганскому населению. После этого обещания город был сдан дунганам во главе с яншанем (градоначальником) Хэ Шунем. Однако китайский генерал обещания своего не выполнил и учинил резню. Кауфман указывает Цзо Цзунтану на то, что такие действия могут обезлюдить страну и причинить ущерб интересам Цинской монархии: «Подобный жестокий и коварный образ действий, недостойный военачальника Великой державы, не может не произвести самого тяжелого впечатления на то население, которое китайское правительство стремится опять подчинить своей власти, да и кроме того такие возмутительные жестокости могут иметь прямым последствием совершенное обезлюдение страны и прежде всего весьма дурно отзвучатся на интересах самого китайского правительства (читай: русской торговли. — Л. Д.). Поэтому считаю священным долгом просить вас, достопочтенный Цзо Цзунтан, обратить серьезное внимание на изуверства, которые позволяют себе ваши подчиненные, и принять действительные меры к предотвращению повторения ужасов манасских, так как подобный образ действия не может быть в видах великого Дайцинского государства». Д. № 334, л. 234. Письмо послано 13 мая 1877 г., за № 128, из Ташкента Колпаковскому для перевода и пересылки Цзо Цзунтану.

Тремя колоннами двигались китайские войска на Кашгар. Из г. Уша армия Хуан Ваньпэна (黃萬鵬) двигалась мимо становищ киргизов, Гуй Сичжен (桂錫楨) из Аксу по дороге мимо Барчука; оба отряда подчинялись Юй Эньху (余恩虎). 17 декабря 1877 г. армии Юя и Хуана подступили к Кашгару. Гарнизонные войска оказали сопротивление, но вынуждены были бежать. Биянху, находившийся в это время в Кашгаре, не мог дать действенного отпора во много раз превосходящим правительственным войскам. Оставив небольшой отряд для защиты города, Биянху с остальными отступил на территорию России.¹ Автор записок о восстании, дунганин Ликокуй, сообщает, что из Кашгара Биянху бежал в Россию через Нарын и 27 декабря 1877 г. прибыл с остатками дунган в укрепление Нарын. До самой русской границы дунган преследовали войска Лю Шо (Лю Цзиньтана) и присоединившиеся к ним кашгарские войска. В ущелье Чак-мак правительственные отряды догнали повстанцев и учинили резню, от которой погибло три четверти состава бежавших дунган. Значительная часть последних погибла от голода и холода на пути следования, и лишь несколько тысяч из них — благодаря упорству, твердости и заботам Биянху — были спасены.

По архивным источникам можно заключить, что Биянху бежал из Кашгара раньше декабря или ноября, так как еще в октябре 1877 г. царским властям было известно о бегстве Биянху.

18 октября 1877 г. правитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора, IV отделения, камергер Каблуков, сообщал военному губернатору Семиреченской области Колпаковскому о бегстве Боянахуна² в Илийскую долину и о намерении Цзо Цзунтана отправить отряд для поимки Биянху. В этом же сообщении приводится распоряжение главного начальника края военному губернатору Семипалатинской области о розыске Биянху, причем предлагается не арестовывать его и не делать огласки, а иметь всегда на виду, для поимки в случае необходимости.³

13 февраля 1878 г. Колпаковский представил рапорт туркестанскому генерал-губернатору, в котором сообщал о прибытии на русскую территорию в Токмакский и Иссыккульский уезды двух групп кашгарских дунган. Во главе первой группы стоял Биянху, представившийся в Верном

¹ Цинчао цюаньши, ч. 3, гл. 76, стр. 79.

² Под этим именем фигурирует Биянху в официальных документах, находящихся в Алмаатинском и Ташкентском архивах.

³ Д. 333, о розыске китайским генерал-губернатором Цзоцзунтаном бежавшего в Илийскую долину предводителя дунган Боянахуна. Начато 18 октября 1877 г., кончено 24 апреля 1882 г., л. 1.

(Алма-ата) Колпаковскому и просивший не выдавать его (Биянху) на растерзание манчжурским властям. В своем рапорте Колпаковский поддерживает просьбу Биянху и со своей стороны указывает, что без участия Мухаммед-Люба¹ устроить быт и управлять дунганами будет трудно «в виду дикости их нрава».²

Таким образом, предвидя, что со стороны цинского правительства последует требование о выдаче вождя дунганских повстанцев, царские власти были готовы отвергнуть притязания усмирителей восстания. Объяснение такой кажущейся гуманности со стороны представителей самого деспотического в мире самодержавного государства — российского — надо видеть в политической обстановке того времени на восточных границах России, именно в среднеазиатских владениях. Выдача Биянху и других дунган могла бы скомпрометировать царское правительство в глазах мусульманских народов и вызвать недовольство населения сравнительно недавно колонизованной Средней Азии; в частности, этот шаг поднял бы киргизов и казахов, видевших в лице дунган своих единомышленников, которым киргизы и казахи неоднократно помогали еще в первый период восстания (в 1864 г.) в Илийском и Тарбагатайском округах. Вот почему, как мне кажется, из тактических соображений царские военные и гражданские власти предполагали ответить отказом на требования китайских генералов. Этот наш вывод подтверждается самим генералом Колпаковским, который во втором своем рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора от 21 февраля 1878 г. за № 617 вновь просит не выдавать дарына Биянху,³ причем здесь за рассуждениями о гуманности, человеколюбии «Белого царя» скрывается тревога преданного самодержавию генерала. Вот что говорит Колпаковский в вышеназванном рапорте:

«Одно человеколюбие заставляет воздержаться от подобного шага (т. е. от выдачи Биянху. — Л. Д.), могущего скомпрометировать наше правительство в глазах туземцев вверенного вашему высокопревосходительству генерал-губернаторства и соседних азиатских владений (разрядка моя. — Л. Д.). Толпы дунган, боровшихся за правое дело, искавшие с оружием в руках признания за ними со стороны сынов небесной империи человеческих прав, укрылись от жестокостей и насилия китайского пра-

¹ Мусульманское имя Биянху.

² Д. № 333, лл. 7—8.

³ Биянху была пожалована бодаулетом Мухаммед Якубом (Якуб-беком) печать с титулом — «катта дарын» — великий дарын (сановник). См. рапорт Колпаковского от 13 февраля 1878 г., д. № 333, лл. 7, 8.

вительства под наш кров, в наши пределы, благословляя [?] человеколюбие [?] Белого царя».¹

«Человек этот [Бияху. — Л. Д.] не уголовный какой-либо преступник или изверг, попирающий религиозные и человеческие законы, это преступник политический, которого мы в праве не выдавать».²

Как и следовало ожидать, манчжурское правительство не могло помниться с мыслью, что из рук властей ускользнул наиболее известный, наиболее стойкий руководитель повстанцев Бияху. Победа не могла казаться полной, даже после очищения от повстанцев почти всего Восточного Туркестана (Синьцзяна), за исключением Илийского края, находившегося тогда еще под властью сатранов русского царя, так как бесстрашный водитель дунганских масс, герой защиты Сучжоу от манчжурских войск, виновник разгрома Нинся³ — Бияху, смертельный враг Цинов, находился на свободе. В феврале того же 1878 г. последовало первое, весьма наглое по тону, требование манчжурских военных властей о выдаче Бияху и других руководителей восстания. Это требование исходило от одного из командующих цинской армии Лю Цзинтана,⁴ повидимому, с ведома Цзо Цзунтана. Переводчик при канцелярии семиреченского военного губернатора неправильно передал чин генерала Лю: вместо Цзинтан, он всюду переводит Цзунтан, опуская фамилию, благодаря чему русские военные власти приписывали это послание Цзо Цзунтану. В моем распоряжении, кроме перевода этого документа, вероятно с манчжурского, имеется оригинал и на китайском языке; из него я и заключаю, что сообщение исходит не от Цзо Цзунтана. Несколько позднее, именно 26 марта 1878 г., было получено письмо от Цзо Цзунтана, где он также просил, но в совершенно других тонах, о выдаче Бияху. К сожалению, я не располагаю в данное время текстом этого письма, ни китайским, ни русским переводом его. Что касается упомянутого сообщения Лю Цзинтана от февраля 1878 г.,⁵ то перевод его, сделанный в канцелярии военного губернатора Семиреченской области, я привожу без изменения, хотя при сравнении с китайским оригиналом обнаружил ряд неточностей, в особенности в передаче имен; исправления и уточнения приводятся мною в примечаниях.

¹ Д. № 333, л. 9.

² Д. № 333, л. 10.

³ По сообщению проф. В. П. Васильева, за отсутствием данных мною не проверенному, Бияху участвовал в истреблении около 300 тысяч китайцев в городе Нинся и в отчаянной защите Сучжоу и очень насолил в свое время манчжурскому правительству внутри Китая». — В. П. Васильев. Китайцы — новые подданные России, Восточное обозрение, 1884, № 2.

⁴ 劉京堂, Лю Цзинтан; Лю -- фамилия, Цзинтан -- чин.

⁵ Точная дата не указывается, документ датирован первой луной 4-го года правления императора Гуансией.

Перевод с тюркского.¹ «Высокого сановника самоправно управляющего китайскими конными и пешими войсками, имеющего третью степень Цзунтана Ци ду э,² шинджи,³ Пафулина⁴ [?] — Богатыря сообщение.

Начальнику русских в Алматах генералу Колпаковскому послано письмо о следующем:

„Я, Цзунтан⁵ Ван,⁶ во второй год правления хана Гуансюй, взяв все мои войска из-за великой стены [Джайван],⁷ я вступил для преследования подданных нам воров и в два года слишком на протяжении одного тюменя [10 тысяч ли пути] на север и запад забрал несколько сотен городов больших и малых, народ привел в порядок; более 10 тюменей [100 тысяч] избил воров, а забранному оружию: большим и малым орудиям, ружьям тайфу [крепостные ружья] и прочему оружию нет счета.

Кушцы Ваши попрежнему посещают этот край. Мне, Цзунтану, с Вами много говорить нечего, — скажу одно Вашей милости: у главы воров нашей империи [Хакан] Бяньхо людей немало было; преследуя их из Кули,⁸ я, Цзунтан, подлежащих смерти умертвлял, а мирных подчинил. Оставшиеся на дело [смут] не годятся: старики и не могущие сопротивляться. Воры, желая сохранить свою жизнь, услышав о приближении всех войск моих, Цзунтана, заблаговременно бежали, и я ни одного из них не мог захватить, потому что они ушли под Ваше покровительство. В прошлом году в XI луне я, Цзунтан, в погоню за Бяньхо⁹ посылал отряд, который в крепости Чак-Мак встретил несколько сот конных киргизов, они отве-

¹ Вероятно с манчжурского.

² В китайском тексте — 三品京堂騎都尉, т. е. 3 степени Цзунтан Ци-ду-юй, — «потомственный титул, данный за храбрость отца или деда на войне» (примечание переводчика. — Л. Д.).

³ Право, по которому никогда не лишается достоинства, степеней (примечание переводчика. — Л. Д.); в тексте Шичжи, 世職, право наследования чинов.

⁴ В китайском тексте 法福靈, Фафулин.

⁵ Не Цзунтан, а Цзунтан стоит в китайском тексте, 京堂.

⁶ Князь (примечание переводчика. — Л. Д.). В китайском тексте это слово совершенно опущено. Лю Цзунтан не был ваном; это высшее достоинство обычно предоставлялось инородческим князькам. В древнем Китае — ван — суверенный правитель, король.

⁷ Ворота в стене (примечание переводчика. — Л. Д.). В китайском оригинале передано через 出關 — Чугуань, т. е. из-за заставы, отделяющей внутренний Китай от Синьцзяна-Цзяйгуань.

⁸ Страна великой стены (примечание переводчика. — Л. Д.). В китайском тексте ни о каком Кули нет речи.

⁹ Переводчик не придерживается какой-либо единой транскрипции: в одном случае он называет руководителя дунганских повстанцев Бяньху, в другом — Бояньху, а в третьем Бяньхо и т. д.

чали, что они подданные русских и что Биянхо ушел под покровительство русских. Надеюсь, что две Империи находятся в мире издревле и люди будут схвачены и выданы, я свои войска остановил, так как, по установленному прежде трактату, наши враги должны быть и Вашими врагами, и переходящих врагов с одной стороны на другую мы обязаны одни другим выдавать, посему я ждал, что Вы захватите и пришлете их, но Вы не выслали до сих пор, почему — не знаю. Между тем получил сведения, что Вы у них отобрали всякое оружие, а самих поселили на назначенное место. Если Вы вышлете главу воров Биянхо, не будет и разговоров, для чего посылаю к Вам людей, по прибытии которых захватите Биянхо, свяжите и вышлите, чем много останусь доволен, а когда донесу о том Великому Хану — он будет рад, если же Вы не возвратите, я, Цзунтан, по воле Великого хана, пойду преследовать вора Биянхо, куда бы он ни ушел. Все наши старания стремятся к Биянхо, и, если Вы его не выдадите, я, Цзунтан, со всеми своими войсками пойду на Нарын и, где бы ни находился Биянхо, я его отыщу и возьму. Ни Вам, ни подвластным Вам людям пускай на мысль Вашу не придет дело другое, о чем я, Цзунтан, заблаговременно уведомляю; когда я приду на Вас, не вините. Я, Цзунтан, живу в Кашгаре. До подножия престола Великого хана около двух тюменей пути; дабы донесение получилось своевременно и не запоздало, я назначил срок в 50 дней и послал людей; в эти 50 дней должны возвратиться и доставить непременно Ваш ответ.

Если Вы соблюдаете дружеские отношения, — выдадите воров Биянхо; если же не выдадите, по совещании с главными лицами дайте окончательный ответ, смотря на который, мы будем поступать.

Дело это важное и спешное; с Биянхо ушли худшие из воров: Малянху, Хибусы,¹ Саусян,² Дзанванбу³ и Мадакаца.⁴ Еще (ушли. — Л. Д.) в прошлом году Х луны Маджан,⁵ сарт Беккулы⁶ и с ними дунганин Маджинова,⁷ весьма дурные люди и сильные наши враги, которых, где бы мы ни захватили, — умертвим. Ваша милость упомянутых выше воров

1 В китайском оригинале Хэйбаоцай, 黑寶才.

2 В китайском тексте Солаосань, 索老三.

3 В китайском тексте Чжаньваньбао, 張萬寶.

4 В китайском тексте — Мадагэцзы, 馬大個子.

5 В китайском тексте Мачжуан, 馬壯.

6 Беккулы — сын Якуб-бека, убивший своего брата после смерти Якуб-бека.

7 В китайском тексте Мачжэньвэй, 馬振威.

и предводителя их Биянху, где бы они ни были, захватите и вышлите, что будет приятно. Сарт Беккулы-бек с людьми ушел также под Ваше покровительство, дайте о нем точные сведения.

Правление Гуансюя Хана четвертый год первой луны. «Переводил переводчик коллежский ассесор Бородин».¹

По этому посланию можно судить о роли Биянху и о значении, которое придавалось ему манчжурскими властями.

На это сообщение последовал ответ Колпаковского, не менее интересный, чем письмо Лю Цзинтана, в котором Колпаковский указывает, что ему неизвестно, кто такой Биянху и какую роль он играет, — на самом деле мы знаем из переписки, часть которой нами была приведена, что генерал Колпаковский был прекрасно осведомлен о Биянху еще задолго до прихода дунган на территорию России.

Ответ Колпаковского адресован Цзо Цзунтану, так как в переводе первого сообщения, как было сказано выше, неправильно передана фамилия адресата. Приводим ответ полностью:

«Великого Российского государства военного губернатора и командующего войсками Семиреченской области генерал-лейтенанта Колпаковского — великого Дайцинского государства высокому сановнику Цзоцзунтану — ответное сообщение.

На днях прибыл ко мне из Кашгара какой-то сарт, привезший от Вас письма ко мне и к главному начальнику и командующему войсками всего Туркестанского края, его величества генерал-адъютанту фон-Кауфману.

По отобрании письма от этой неизвестной личности и прочтении оно, я был немало удивлен его содержанием.

Вы заявляете высокомерное, настоятельное и дерзкое требование от меня выдать дунган, какого-то Биянху и разных дунганских предводителей; для выполнения этого требования назначили пятидесятидневный срок; мало того, — осмелились заключить свое грубое сообщение смешною угрозою о вступлении с войсками в наши владения, не помыслив о том, что имеее дело с представителями державы, сильной перед лицом всего мира своим могуществом и правдой, и что всякий шаг враждебности с Вашей стороны будет опасным шагом для Вас и для управляемого Вами края. Опираясь на существование договора между двумя державами о выдаче преступников, Вы всего менее можете ссылаться на оный договор в настоящем случае.

¹ Архив, там же, ф. 21, д. № 479, о пограничных слухах. Начато 9 января 1878 г. Кончено 26 января 1878 г., лл. 72—74.

В наши владения пришли не преступники, а пришли до 5 тысяч душ бедных дунганских семейств, искавших спасения от неистовств Ваших войск. Прибывшая к нам толпа дунган, спасавшихся от той же участи, пришла в жалком виде, голодная и ограбленная, и умоляла о дозволении укрыться у нас от поголовного избиения.

Что это за дунгане, кто у них начальники — я не знаю, — человеколюбие требовало оказать им помощь, и главный начальник края изволил разрешить дать им приют и оказать пособие, на что ассигнована уже, с высочайшего государя императора соизволения, необходимая сумма.

Дунгане эти, таким образом, приняты под покровительство российского императора, останутся на нашей земле, и никакие притязания Ваши не будут приняты мною во внимание без приказанья нашего высшего правительства.

Вот Вам мой ответ; более внушительного ожидайте от главного начальника над туркестанским краем.

6 марта 1878 г., г. Верный, военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области — генерал-лейтенант Колпаковский». ¹

Переписка о Бяньху на этом не кончилась, она продолжалась до 1881 г. Настойчивость и назойливость, проявленные маньчжурским правительством и его ставленниками, можно объяснить лишь значением Бяньху как руководителя массового движения. Стремление обезглавить движение, лишить его руководителя, страстного и преданного борца за свободу мусульманских масс, за освобождение их от феодальной эксплуатации и национального гнета, заставляло верных слуг Цинской монархии прибегать к различным уловкам, применять различные методы — от угроз до почтительнейших просьб, для того чтобы добиться торжества кровавых, звериных инстинктов и принести в жертву Молоху-богдыхану честного и благородного бойца крестьянского восстания. Через три месяца после ответа Колпаковского было получено новое сообщение все по тому же вопросу, на этот раз от илийского цзянцзюня Цзиня и в совершенно других тонах составленное. Привожу полностью перевод этого сообщения:

«Перевод с маньчжурского Великого Дайцинского государства Илийского Цзинь Цзянцзюня ² — Великого Российского государства военному губернатору Семиреченской области — сообщение.

¹ Архив, там же, ф. 21, д. № 479, лл. 75—76.

² Цзянцзюнь 將軍, командующий войсками, военный губернатор.

Спрашивая о здоровье, пишу — предводитель мятежников Байяньху,¹ он же Даху,² один из известных бунтовщиков и изменников нашего государства, при истреблении их зимой прошлого года, бежал в Ваши пределы. По распоряжению Вашему он поселен в Токмаке, вследствие чего заведывающий южными войсками Лю командировал старшину дунган Мамута с бумагою по сему предмету. Почтенный губернатор, в ответе Вашем, между прочим, говорится, что лица эти — бунтовщики или нет — Вы не знаете, а знаете только, что народ этот бежал от притеснений, — почему Вы и дали им приют. Ныне в бумаге главнокомандующего Цзоцзунтана говорится, что Вы, почтенный губернатор, не зная ранее, что Бояньху наш мятежник, дали ему помощь и приют. Но так как Вы теперь узнали уже, кто он такой, то и должны возвратить его, чем еще больше скрепите дружбу двух государств.

В трактате говорится: если подданный российского государства будет своевольно проживать в пределах Дайцинского государства, или же бежит в пределы оногo, то чиновники последнего обязаны по разыскании такового, возвратить обратно. Также и наоборот. Также в трактате о распространении торговли в Кульдже и [Чугучаке] Тарбагатае говорится, что преступников обеих сторон разменивать и, не держа у себя, немедленно схватить и сдавать надлежащим властям. Так как Бояньху уже принят вами и поселен в Токмаке, то вы, почтенный губернатор, во имя долголетней дружбы наших двух государств, должны были давно уже возвратить его обратно нам. Ныне, командуя корпусного командира Ен-Хува-тана,³ старшего полкового командира Гэй Хуньяна⁴ и кандидата интенданта Чжилийской провинции⁵ Ли Цзысяна⁶ для переговоров о передаче нам Кульджи (о чем посылается другая бумага), прошу Вас, почтенный губернатор, вышеназванного мятежника Байяньху⁷ сдать им. В исполнение чего

¹ В китайском тексте этого сообщения имя Бияньху передано другими знаками по сравнению с приводившимися выше, а именно: 白燕虎, хотя читается также Байяньху, Бояньху.

² Даху 大虎 «большой [великий] тигр».

³ В китайском тексте — Инь Хуатин 殷華廷; должность его — тиду, 提督.

⁴ В китайском тексте — Цзе Хун-лян 介洪亮; должность его 參將, каньцзян.

⁵ В китайском тексте 補用直隸州知州.

⁶ В китайском тексте 李滋森, Ли Цзышэнь.

⁷ Переводчик не придерживается определенной транскрипции.

искренно питаем надежду получить ответ. Ради сего послано, правления Гуансюя 4-го года, 5-й луны, 16-го числа.¹ Перевел Афанасьев». ²

Этим сообщением заканчивается первый этап борьбы цинского правительства за поимку Биянху.

Новый этап характеризуется иными методами. Манчжурские власти, желая придать своим требованиям вескую аргументацию, взваливают на Биянху вину за многочисленные грабежи, совершавшиеся в Илийской долине, указывая, что Биянху лично сам и путем посылки своих соратников устраивает набеги на торговые караваны, на военные части, военные караулы и т. д. Таким образом манчжурские власти пытаются превратить Биянху и с ним бежавших дунган в «рыцарей большой дороги», в разбойников, с тем чтобы скорей добиться согласия царского правительства на выдачу Биянху и др. Однако этот маневр не удается.

В ответ на многочисленные сообщения илийского командующего войсками Цзиня ³ военный губернатор Семиреченской области Колпаковский в октябре 1878 г. указал на то, что: 1) дунгане, пришедшие из Джитышара (Кашгарии),⁴ поселены в Каракунузе ⁵ и занимаются мирным трудом; 2) граблящие китайцев суйдунские ⁶ дунгане находятся на территории, не подведомственной ему, Колпаковскому, а управляемой Цзинем, и поэтому Цзинь сам должен принять меры, и что ему, Колпаковскому, нет дела до того, что происходит на китайской территории; 3) им, Колпаковским, для водворения спокойствия на границе, принимаются меры по поимке в Илийском крае всех дунган, не имеющих определенных занятий — земледелием или ремеслом, и ссылке их во внутрь вверенной ему, Колпаковскому, области.⁷

Сняв с себя всякую ответственность за «грабежи» дунган и отказав в выдаче Биянху, царские власти отнюдь не отказывались от сотрудничества с реакционными манчжуро-китайскими генералами, активно помогая последним подавлять всякие попытки нового восстания в Илийском крае

¹ 16 июня 1878 г.

² Перевод с манчжурского мало чем отличается от китайского оригинала, которым я располагал, поэтому я не даю свой перевод, а внес лишь поправки там, где это нужно было, поместив их в примечаниях.

Перевод сообщения Цзиня и китайский оригинал находятся в указанном выше архиве, д. № 480 о пограничных слухах, лл. 55, 56.

³ Архив, ф. 21, д. № 480, лл. 296/300, 297/301, 298/302, 398/415, 399/417; приводятся сообщения илийского цзянцзюня Цзиня о многочисленных фактах ограбления и убийства дунганями, подчиненными Биянху, станционных солдат, торговцев и др.

⁴ Имеется в виду отряд Биянху.

⁵ В б. Семиреченской области, теперь в Казахской ССР.

⁶ На территории Илийского края, подвластной цинскому правительству.

⁷ Там же, д. № 480, лл. 363—366.

и на границах с Семиреченской областью. Об этом свидетельствует рапорт Колпаковского туркестанскому генерал-губернатору Кауфману от 18 декабря 1878 г. за № 141, в котором приводятся факты участия дунган-поселенцев в России в набегах на китайскую территорию и указывается на меры, принятые царскими военными властями:

«Грабительские (?) похождения незначительного, впрочем, числа дунган, самовольные отлучки их из предназначенного места жительства и преступления, совершаемые ими в пограничной полосе над караванами, обратили мое внимание на беспокойных и необузданных эмигрантов. Отдав давно уже приказание участковым начальникам и заведывающему войсками Кульджинского района о наблюдении за поведением дунган, захвате и возвращении этапным порядком блуждающих безо всяких занятий по границам области в места, предназначенные для водворения дунган — Каракунузе и Караколе, а преступников судить, — я при объезде области в октябре с. г. строго наказал народным властям иметь дунган, как вышеизложенных, так и вообще неблагонадежных (разрядка моя. — Л. Д.), под строгим надзором, пока не последует окончательного распоряжения об устройстве их участи; но так как народные власти не ручаются за спокойствие, пока не будут удалены из среды их ненадежные люди, то я потребовал списки последних с тем, чтобы ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством об удалении их от границ Китая подальше в глубь наших владений, дабы тем отнять у них возможность отлучаться в китайские пределы для ведения тем или другим способом вековой борьбы с обитателями Дайцинской империи».¹

Из этого отрывка видно, что речь идет по существу не о грабежах, а о продолжении классовой борьбы дунганских крестьян с манчжурскими феодалами, на стороне которых выступали и русские помещики, правда, не всегда, имея собственные интересы, в соответствии с которыми и применялись различные методы. В данном случае, в интересах спокойствия на границах и восстановления прерванных восстанием торговых связей, царское правительство активно помогало манчжурским властям душить восстание.

«В намерении помочь китайцам средствами нашей администрации водворить спокойствие на их земле я обратился к заведывающему войсками Кульджинского района с предложением дознать секретно, в каких местностях в пограничной полосе рассеяны дунганские шайки, наводящие такой ужас на китайцев; в каких урочищах находятся притоны их и главным образом какие полковник Вартман может предложить меры к водворе-

¹ Архив, ф. 21, д. № 479, л. 547, стр. 1—2.

нию спокойствия в пограничной полосе путем уничтожения дунганских шаек».¹

Со своей стороны генерал Колпаковский предлагал в качестве мер ссылку в Сибирь и казнь для активных повстанцев, которых он именует грабителями и убийцами.

«Отвечая категорически на запрос вашего высокопревосходительства — какие меры полагаю удобным принять для воспрепятствования нашим дунганам грабить и проникать в китайские пределы — имею честь сообщить, что в этом отношении мною сделано все возможное, более же радикальными мерами для удержания на месте водворения неугомонных выходцев я считаю ссылку административным порядком всех дурных людей в Сибирь или во внутренние уезды Туркестанского края; в отношении же явных преступников, убийц и грабителей (?) — казнь, дабы быстротою и суровостью наказания водворить страх в прочих выходцах (везде разрядка моя, — Л. Д.).²

Комментарии к этому рапорту, мне кажется, излишни.

Этими документами лишний раз демонстрировалась готовность царского правительства выступить на подавление восстания; в связи с этим становится очевидным, что допущение на русскую территорию разбитых повстанцев и оказание им «помощи» нельзя рассматривать только как проявление известной гуманности, а является тактическим шагом, предпринятым в интересах русского самодержавия, в первую очередь с целью успокоения среднеазиатских границ.

Выше я показал, как генерал Колпаковский мотивировал необходимость отказа манчжурскому правительству в выдаче Бияху.

По существу эти же мотивы приводит и крупный представитель русского торгового капитала Каменский, заключивший с Цзо Цзунтаном договор на значительные поставки хлеба китайско-манчжурской армии и этим самым способствовавший подавлению восстания. С мнением купца Каменского, как нам известно из архивных материалов, царские военные власти на местах считались, поэтому небезинтересно привести соображения этого «рыцаря» толстой мошны, высказанные им Колпаковскому в секретном письме:

«Выдав Даху (т. е. Бияху. — Л. Д.), мы бы приняли на себя все грехи, совершенные манчжурами против среднеазиатских мусульман

¹ Из того же рапорта, там же, л. 548, стр. 1.

² Там же, л. 549, стр. 1.

и антипатии последних к китайцам перенесли бы всецело на себя. Этого мало — мы посеяли бы против себя ожесточение и злобу во всем революционном Китае и таким образом, поддерживая умирающее манчжурское правительство, враждовали бы с элементами, игнорировать которые, не забывая коренных наших интересов, — нельзя».¹

Не добившись от царских властей никаких результатов, манчжурская военщина, повидимому с ведома правительства, посылает эмиссаров на русскую территорию с целью добиться головы Биянху. Так, в секретном предписании генерала Колпаковского токмакскому уездному начальнику, от 27 ноября 1878 г., за № 2672, сообщается о том, что на Биянху готовится покушение и предлагается принять соответствующие меры. Вот это предписание.

«Токмакскому уездному начальнику. В г. Верном ходят слухи, что во время пребывания здесь Мухаммеда Аюба дарына с людьми своими, состоящий при нем дунганин, Хоза по имени, посещал находящихся тут китайских чиновников и совещался с ними о чем-то; многими высказывается подозрение, что переговоры касались выдачи китайцам головы дарына.

Так как посещение помянутым дунганином китайских чиновников составляет факт, то ничего нет невероятного, что посещение это имело содержанием высказанную цель. Сообщая вашему высокоблагородию об этом известии, о котором толкуют в городе туземцы, предлагаю Вам предупредить Биянху о готовящемся против него коварстве. Вместе с тем прошу Вас сообщить мне Ваше мнение, что это за человек Хоза и не следует ли его удалить из Каракунuzского поселения, хотя бы в Сергиополь или иное отдаленное место. Подписал генерал Колпаковский».²

Это предписание было вызвано подозрительной близостью дунганина Хозы к манчжурским чиновникам — с одной стороны, а с другой — прямым предупреждением о готовящихся интригах в отношении Биянху. Предупреждение исходило от некоего Абдыракуля, о чем имеются архивные данные.³

Повидимому, назойливость манчжурских чиновников изрядно надоела царским властям, которые сочли явную ложь наилучшим способом избавления от непрекращающихся в течение 3—4 лет притязаний, — официально заявив, что Биянху заключен под стражу, хотя на самом деле этого не

¹ Там же, д. № 479, л. 308, стр. 1.

² Архив, там же, лл. 470—471.

³ Там же, л. 471, секретное сообщение правителя канцелярии по кульджинским делам Пантусова чиновнику особых поручений титулярному советнику фон Герку, от 23 ноября 1878 г. за № 2654.

было. Об этом мы узнаем из доклада китайского сановника императору. Этот весьма интересный документ, завершающий большой период борьбы за обладание головой Биянху — последний акт восстания, которое охватило пустыню Гоби и бассейн Тарима, — мы приводим полностью:

«Перевод с маньчжурского. Копия доклада, поднесенного его величеству богдохану китайскому, на основании сообщения министерства внешних сношений, относительно предводителя разбойников Бхиянхуна, бежавшего в пределы России, о заключении его под стражу.

Наше Министерство иностранных дел предложением мне, полученным 25 числа 6-й луны 7-го года правления императора Гуансюй,¹ сообщает: 17-го числа 4 луны (7-го года)² правления Гуансюй последовал Высочайший указ о том, что так как предводитель дунганских полчищ и бунтовщик Биянху³ скрылся от преследований Лю Цзинтана, а потому предложить нашему посланнику обсудить настоящее дело с русскими представителями и просить оных возвратить скрывшегося от казни Биянху для осуждения.

Вопрос этот хотя при заключении Цзяном и Лю Цзинтаном с Россией договора и не был возбужден, но таковой подлежит обсуждению и оставлять оный без последствий невозможно. Вследствие этого князь Цзян, телеграммой от 2-й луны (Февраль—март. — Л. Д.) спрашивал министра иностранных дел указаний о том, что—вести ли переговоры, и как, о Биянху; на запрос этот Министерство иностранных дел сообщило ему, Цзяну, согласие с тем, чтобы при случае решить дело о Бхи-яне и о решении этом сообщить Лю Цзинтану.

Имея в виду это распоряжение, в 28-й день 7-й луны, я сообщил русского государства палате внешних сношений, прося ее распоряжений о возврате Бхи-яну с назначением для этого срока, причем объяснял, что, по получении точного и решительного ответа, таковой будет представлен на рассмотрение высочайшее. Российское Министерство иностранных дел на сообщение это ответило так: „Преступник Бхи-яну не подлежит осуждению, хотя русское правительство к подданным своим преступникам питает отвращение, но оно не покидает их, так как во всех государствах, а равно в России, нет таких законов, которые трактовали бы непокровительство преступникам. Что касается Биянху, то он, чтобы ограждать себя и избегнуть притязаний со стороны дайцинских войск, перешел

¹ 1881 г., 20 июля.

² Год не указан, повидимому — 7-й, следовательно 14 мая 1881 г.

³ Я повсюду оставляю транскрипцию переводчика.

со своими соотечественниками нашу границу, где и прекратил свои беспутные дела.

Так как Ваше китайское правительство хорошо знает действия Биянху, то оно, по всей вероятности, согласно будет с теми взглядами русского правительства, которое порешило: дабы обезопасить границы Дайцинского царства, — заключить Бхи-янху под стражу и держать его в строгом положении. В виду такого положения дела, граница Дайцинского царства будет находиться в спокойствии и подобных дел, совершаемых Бхиян-ху, не будет более. Решением этим Дайцинское правительство, во всяком разе, останется довольное“.

До отъезда своего в Россию, для обмена договора, т. е. в первых числах 7-й луны сего года, я писал Министерству иностранных дел и просил распоряжений о помещении в договоре правил по поводу выдачи преступников, но ответа по этому не последовало.

Не покидая мысли о возвращении Бхиянху, я все-таки должен помириться с распоряжением русского правительства, которое в ответном сообщении высказывает, что вопреки законов ничего не делается; распоряжение о заключении под стражу Биянху есть действительное, и спокойствие поэтому на границе водворится.

Придя к единому убеждению относительно Биянху, почитаю необходимым сообщить об этом Лю Цзянтану, который должен ждать высочайшего разрешения по этому поводу.

Затем сообщения, полученные из Русского Министерства иностранных дел должны быть переведены на китайский язык и посланы в наш трибунал внешних сношений. Переводил» [подпись].¹

Этим докладом заканчивается переписка о Биянху, но насколько последний был ненавистен цинскому правительству можно судить по тому, что даже после смерти Биянху, его не оставляли в покое. В тайне от всех похороненный на своем дворе, он долго являлся объектом безуспешных поисков манчжурскими эмиссарами, посланными для похищения его останков и надругания над ними.

То, что меры, принятые родственниками Биянху после его смерти в 1882 г., оказались своевременными, свидетельствует следующий факт: некоторое время спустя после его погребения мнимая могила Биянху на кладбище в г. Пишпёке (ныне г. Фрунзе) оказалась разрытой, но там,

¹ Архив, там же, д. № 191 о пограничных слухах, лл. 13—15.

к неудовольствию добивавшихся праха дунганского вождя, находилось чучело.¹

Заканчивая наш очерк о Бяхху, мы считаем необходимым привести характеристику этой яркой личности, данную упомянутым купцом Каменским в его секретном письме к Колпаковскому от 5 марта 1878 г.:

«Знаете ли... что такое Бяхху или, как его называют Даху [большой тигр], находящийся ныне в Семиреченской области. Все эти протесты, о которых я сказал выше [против манчжурского правительства. — Л. Д.], совмещаются теперь в лице никого иного, как этого Даху.

Дунганское восстание в Западном Китае, имевшее исключительно социально-экономический характер, было политическим во внутреннем Китае.² Восстание тайпингов имело органическую связь с восстанием дунган как во внутреннем, так и во внешнем Китае.³

Восточный Туркестан и Джунгария ждали начала, которое должны были сделать тайпинги, а вовсе не так, как думают некоторые, будто восстание начали здешние дунгане. Даху родом из Сианьфу; 25 лет он стал под знамя революции и воспитался под ним, представляя в продолжение 15 лет в лице своем это знамя. В последнее время (1865—1868 гг.)⁴ имя его в Западном Китае наводило ужас на солдат и, по необходимости, на население. Воспитавшись революцией, Даху был видным ее служителем. После того как соединенная помощь европейских государств, в особенности России (движением отряда в Ургу),⁵ оказанная манчжурскому, дала последнему силы одержать верх над тайпингами, Даху, потеряв в лице их союзников, шаг за шагом в продолжение 10 лет, грома китайцев, принужден был отступать к западу. И в то время, когда наш просвещенный путешественник, г. Сосновский, проезжал через Ланьчжоуфу и в своих академических беседах уверял озабоченного дунганами Цзоцзунтана, что Россия не протянет руку народной идее, в лице дунган, — Даху был в Урумчи».

¹ Об этом факте мы узнаем из записки уездного начальника Токмакского уезда, войскового старшины Нарбута о каракунзских дунганах, от 7 марта 1891 г., Центральные архивы Киргизской ССР, г. Фрунзе. Фонд Семиреченского областного правления, № 419, д. № 592, каракунзские дунгане. Исторический очерк, произведение Нарбута, б. нач-ка Токмакского уезда, лл. 65—91.

² Мы не можем согласиться с таким противопоставлением экономики и политики. «Теоретик из охотных рядов» совершенно игнорирует феодальную эксплуатацию — основную социально-экономическую причину восстания.

³ Из китайских источников мы узнаем о непосредственной связи тайпинов и дунган в пров. Шеньси и их совместной борьбе против Цинского правительства. В нашей работе о дунганском восстании в Китае мы покажем, где и как осуществлялась эта связь.

⁴ Каменский, следовательно, указывает на более раннюю дату выступления Бяхху.

⁵ Новое доказательство активного участия царского правительства в подавлении восстания.

«Я не буду говорить... кто подавил восстание, этого союзника русской торговли в Средней Азии и Западном Китае,¹ но знаю, что дело это не было по силам маньчжурам, которые, сами по себе, оказались слишком слабыми для такого дела.

Таким образом Даху в глазах маньчжурского правительства не простой революционер, не простой талантливый начальник мужественного отряда, нет, Даху, более, чем единственный представитель дунган. Он представитель революционной идеи народа (всюду разрядка моя.—Л. Д.), которого считают сотнями миллионов людей...»

«Погибнет Даху — маньчжурское правительство значительно успокоится и вскинет поднятую голову, а представитель Великобритании в Пекине еще более покроет себя лаврами...² А мы?... Я уверен, что в Лондоне, а может быть и в Петербурге, будут хлопотать о выдаче китайцам Даху, за обладание которым решено дзянцзюнем Цзинем издержать 200 тысяч лан...»³

Это письмо говорит о многом. Оно лишний раз доказывает, что дунганское восстание было подавлено объединенными силами реакции — европейской и китайско-маньчжурской, оно свидетельствует о значительных противоречиях между помещичье-буржуазной царской Россией и капиталистически развитой Англией, ярко проявившихся в Западном Китае.

Правда, не надо забывать, что интересы русского купечества, сразу же после усмирения восстания, были значительно ущемлены распоряжением маньчжурских властей о запрещении торговать в Западном Китае русским торговцам, — об этом сообщает сам Каменский в начале письма, и, таким образом, письмо Каменского, написанное в неудачное для него и вообще для русских купцов время, имеет тенденциозный характер и значительно сгущает краски. Однако Каменский прав, характеризуя Биянху как представителя «революционной идеи народа», если только под народом понимать трудящиеся слои, в основном — дунганское крестьянство, находившееся под двойным прессом, эксплуатируемое дунганскими же помещиками, духовенством и феодальной бюрократией из помещиков и всем государственным аппаратом феодальной монархии Цинов.

1936 г.

¹ Еще бы! На одних поставках хлеба маньчжурской армии русские купцы заработали немало.

² Намек на старые противоречия между русским самодержавием и Великобританией по вопросу о господстве в Средней Азии.

³ Архив, Алма-ата, там же, д. № 479, о пограничных слухах, л. 306, стр. 1; л. 307, стр. 2.